

Итакъ, походъ Петра Великаго не далъ южному славянству освобожденія отъ турецкаго ига. Ни балканскіе славяне, ни Россія не имѣли тогда нужныхъ силъ и возможностей. Но надежда получить свободу изъ рукъ Россіи на славянскомъ югѣ не умерла. Она жила въ народѣ, она находила свое выраженіе и въ югославянской литературѣ. Католическій священникъ въ Дубровникѣ, Стефанъ Русичъ, въ своемъ „пророчествѣ о безсмертной славѣ“ Петра въ 1717 году писалъ: „его слава будетъ продолжаться и въ его потомкахъ, и русское солнце да сіяетъ на ясномъ небѣ востока! пусть русское солнце затмитъ оттоманскій мѣсяцъ, и славный царь да будетъ гибелью восточнаго злаго змія!“ Явленіе Петровской Россіи въ ея могуществомъ и славѣ было и рожденіемъ славянской надежды на освобожденіе. Петръ Великій былъ зарею свободы славянства. Въ теченіе полутора вѣковъ послѣ него созданная имъ Россійская Имперія, какъ колесница Геліоса, поднимала солнце свободы южныхъ славянъ на крутой небосклонъ міровой политики, среди грозныхъ и упорныхъ враговъ и страшныхъ призраковъ гибели славянства, пока это солнце, достигнувъ зенита, не залило своими жгучими и яркими лучами славянской югъ, пройдя черезъ потоки русской крови, пролитой для его освобожденія.

Для русскихъ начавшіяся прямыя сношенія со славянскимъ югомъ были откровеніемъ: передъ ихъ глазами вставала кровная близость тамошняго славянства. Ѣздившій въ Карловцы на конгрессъ въ октябрѣ 1698 года Прокопій Возницынъ писалъ царю: „еслибъ дойти до Дунаю, не только тысячи, тьмы нашего нашего народа, нашего языка, нашей вѣры“. Назначенный въ ноябрѣ 1701 года первый русскій посолъ въ Стамбулѣ, П. А. Толстой, пользовался постояннымъ содѣйствіемъ отдѣльныхъ славянъ, несмотря на всю для нихъ опасность этого. Турки уже тогда оцѣнили значеніе единства вѣры, если еще и не кровной близости русскихъ съ населеніемъ ихъ райи. „И есть въ туркахъ такое мнѣніе“, писалъ Толстой, „что я, живучи у нихъ буду разсѣвать въ христіанъ слова, подымая ихъ противъ бусурманъ.“ Ростъ военной силы Россіи дѣлалъ ее страшной, какъ крѣпкую опору въ осуществленіи мечты христіанской райи объ освободеніи. Но на пути сближенія Россіи съ славянскимъ югомъ стояла не только подозрительность Турціи. Ревность державъ Европы присоединилась къ ней тогда же, и съ тѣхъ поръ обѣ эти силы на цѣлые два вѣка покрыли дальнѣйшую исторію южнаго славянства бесчисленными трупами и залили потоками крови, не допуская его